

ОБРАЗ ДУХОВНИКА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И СЛОВЕСНОСТИ

В статье анализируется функция описания деятельности духовников в текстах Древней Руси. Духовническая практика для священнослужителей была одной из обязанностей. Через духовных отцов, их беседы с паствой и тексты, написанные ими в жанре публицистики, Церковь оказывала влияние на членов общества – в частности формировала их поведение.

Ключевые слова: публицистика, Древняя Русь, духовный отец, Славой Жижек, Домострой.

За тем, как блюли моральный кодекс новые христиане, с самого начала следили представители Церкви – духовники или, говоря иначе, духовные отцы. Авторитетный исследователь С.И. Смирнов считает, что духовники и Церковь контролировали свое чадо только до дверей дома. В свою очередь духовников контролировал епископ, но при этом на первых порах не вмешивался во взаимоотношения духовника и его чада (обращались к епископу только в том случае, если проступок духовного сына требовал вмешательства судебной власти: например, если духовный сын – представитель того же духовенства).

Отсюда вопрос о дисциплине: бытовая традиция церковников выстраивалась, будучи подконтрольной высшему духовному чину или самостоятельно? Насколько патриарх мог контролировать своих подчиненных? Ведь в итоге они наказывали духовных детей сами – например, епитимьи давались тем священнослужителям, которых, может, следовало бы от службы на время освободить. Духовное чадо, исходя из содержания памятников XII в., в случае, если отец и был невеждой, мог покинуть его только тайно (с разрешения новгородского епископа Нифонта, которого,

заметим, не интересуется – уважительная причина перемены духовника или нет¹); вмешательство же со стороны высшей духовной власти исключалось. Патриарх мог знать о недостатках подчиненных и трудностях в работе, которые те испытывали, но при этом не принимал участия в разрешении конфликтов между ним и нареченным сыном, дочерью. Никто не мог освободить последних от неугодного духовника. Церковь вмешивалась в их отношения в двух случаях: когда власти духовного отца грозила опасность или духовный сын, по совместительству священник, «каялся в тяжком падении, возбраняющем ему служение в священном сане, т. е. когда проступок духовного сына требовал вмешательства судебной власти епископа»².

Участие Церкви во взаимоотношениях духовника и его чада усиливается к концу древнерусского периода. Но были прецеденты и в XIII в. Например, история, произошедшая с блестящим духовником того времени – Авраамием Смоленским. Покаяльная семья его была обширной, к нему на исповедь (и послушать проповедь) приходил весь город. Об этом рассказывается в «Житии Авраамия», написанном его учеником Ефремом: смоленские священники обвиняли преподобного Авраамия, что он переманил их детей к себе, и они попросили епископа разобраться.

Насколько контролировал духовник духовное чадо? Если у человека много духовников (частая практика на Руси), пусть и исповедуется он только у одного; выходит, минимум два человека с ним знакомы очень близко, находятся на короткой дистанции. А если духовников больше? Значит, оказывать влияние могут сразу несколько человек? Кроме того, согласно общепринятому мнению, нареченный отец заслуживает большего уважения, чем родной: «А отца своего духовна паче родившаго тя отца почитай и во всем передь нимъ рабствуй: яко бо душа честнее плоти, тако и отецъ духовной плотскаго честнее есть»³. Текст Кормчей книги, в которой есть это правило, относится к концу XV в. Можно предположить, что в нем фиксируется опыт, накопленный за пять минувших веков христианства. Смирнов замечает: «В некоторых епитимейниках неповиновение духовному отцу и нарушение его предписаний отнесены к грехам против пятой заповеди или поминаются рядом с непочтением к родителям»⁴.

Духовники могут использовать определенные механизмы контроля и воздействия. Один из них – давление на одних членов семьи через других. Получается, невидимый контроль осуществляется и внутри дома. Глава семейства – тоже отец – оказывал давление и со своей стороны. Получается замкнутый круг: каждого члена семьи «ведут» духовники, а глава семейства, которого

тоже инспирируют духовные отцы, оказывает влияние на своих родственников. Подобная позиция позволяет полемизировать со Смирновым, который был уверен, что духовники и Церковь осуществляли контроль только вне стен дома.

Безусловно, духовник был в курсе событий в жизни духовного чада. Он оценивал случившееся, давал советы, распоряжался о наказании. Значит, так или иначе влиял на жизнь человека, ее устройство. Это касалось, в частности, и пищевого режима. Если духовный сын хотел совершить подвиг, то спрашивал разрешения на него у духовного отца. Такой пример приводит Смирнов: «Князь Изяслав спрашивал Феодосия Грека, как поступать, если духовный отец “связал” не есть мяса в среду и пяток, в которые случится великий праздник, и получил ответ: “отъ того же и разрешение приими”. Но при этом добавляет, что он мог бы освободить князя от залога, если бы тот дал его сам. Проявление подвига со стороны духовного сына без ведома отца считалось предосудительным, прямо греховным и опасным для православия»⁵. За совершение «героических» пищевых поступков, согласно правилам домонгольского периода, от Церкви отлучали на период до года и наказывали епитимьей в виде ежедневных поклонов. Среди подвигов указывают соблюдение поста без разрешения духовника, тайно, в течение сорока дней⁶ (вряд ли речь идет о Четыредесятнице – ключевом периоде пищевого режима, времени строгого воздержания). Церковь опасалась распространения ереси богомилов, представители которой вели крайне аскетичный образ жизни и отрицали христианские обряды и таинства – в частности почитание икон, поклонение кресту и святым мощам.

Духовники делились на два класса – монахов и приходских священников. Первые находились в привилегированном положении, вторые, очевидно, были в стесненных условиях; Смирнов пишет о них: «Приходское духовенство – тяглое сословие, бесправное, задавленное нуждою и едва грамотное»⁷. Смирнов подчеркивает: на заре христианства на Руси этому «тяглому сословию» жилось лучше, ведь позже, к XVII в., «приходы были до крайности раздроблены и класс духовенства разросся до необыкновенных размеров»⁸. Он замечает, что и обиды духовных детей были, как правило, по отношению к отцам, принадлежащим к белому духовенству.

Духовный отец получал за работу деньги и подарки. В качестве даров были и продукты. Священники получали по завещанию – как плату за сорокоуст (были случаи, вероятно, и с молебнами за здоровье – уже соответственно вне рамок завещания). Смирнов пишет: «Иногда плата за сорокоуст оставлялась по завещанию не деньгами, а вещами, скотом. Степан Юматов (конец XVII столетия)

приказывает в завещании: “продать меринъ серой да осьмеры пчелы, а дать сорокоустъ полной къ двумъ церквамъ: отцу моему духовному въ село Ивонино; а у коей церкви тело мое погребуть, и дать по душе моей той же сорокоустъ”⁹. Нельзя, конечно, забывать, что получаемыми за сорокоуст средствами духовный отец не распорядился единолично. Он делил эту плату с собором, клиросом (певчие и чтецы) или причетниками храма (низшие церковные служители). Но собственностью его становилось то, что духовный сын отдавал ему на помин души. Заметим: то, что полагалось по завещанию, отнюдь не плата за духовнические услуги, а искреннее желание отблагодарить близкого по духу. В списке тех, кому полагалось что-либо по завещанию, духовник находился среди родственников, значит, усопший считал его членом семьи.

В обязанности духовника входило и следить за тем, что читают его подопечные. Различать, какая литература еретическая, богоотреченная, а какая – полезная, истинная, помогал Стоглав (XVI в.), регламентирующий поведение древнерусского человека в религиозно-церковных и государственно-экономических вопросах. Читателю «неправильных» текстов гарантируют проклятье, а священнослужителю, потакающему духовному сыну в подобном увлечении, – лишение сана.

Следовательно, можно выделить три функции духовника: этическую, бытовую и официально-деловую (гражданско-правовую). О последней стоит сказать отдельно: Смирнов обращает внимание, что в создании духовной (завещания) духовник принимает активное участие. Иногда ему даже поручают быть душеприказчиком духовных детей. Примечательно, что завещание не может вступить в силу без согласия на то патриарха: при «свидетельствовании» духовной именно он задает вопросы присутствовавшим при составлении и написании акта; узнав, что усопший был в сознании, когда диктовал текст, а также что свидетели подтверждают его последнюю волю, он подписывал документ и бумага вступала в полную силу.

Действительно ли духовные чада строго соблюдали посты? Зная жалость к бесправным слоям населения, униженным и оскорбленным, прививаемую обществу Церковью, вероятно, рабы и крестьяне получали послабления. Но духовные отцы предлагали «легкие пути» преодоления постов. Таких духовников называют «потаковниками». Например, по С.И. Смирнову, в «Слове св. Отцов о постах» описывается, как миряне приходили к духовникам и просили послаблений. И духовник шел навстречу, ведь потеря духовного чада била не только по самолюбию и статусу, но и карману (часть требуемой епитимьей милостыни отдавалась духовнику).

Смушает, и это подчеркивает Смирнов, что такие «добрые» поступки духовников ничуть не унижали их собственное достоинство. В портрете духовника есть и вовсе не соответствующие его статусу черты. Так, среди духовных отцов были трапезолюбцы – любители (в компании, кстати, духовных детей) проводить время на пирах. Были и блудники: древнерусские тексты не раз фиксируют вопрос священнослужителю о «блуде с дочерью» на исповеди. Известно, что методом борьбы с такой распущенностью в XVII в. был запрет монахам исповедовать мирян. Ранее законодатели посещение духовных чад поощряли. «Домострой» рекомендует «призывать его (духовного отца. – Е. З.) к себе в дом часто и извещаться всегда по всякой совести»¹⁰.

Некоторые духовники шли дальше – брали епитимью на себя, выполняя ее предписания за согрешившего духовного сына. Традиция брать исполнение епитимьи на себя за кого-то была широко распространена. И это не разделение епитимьи членами семьи покаявшегося, а именно взятие на себя исполнения ритуала покаяния. Смысл наказания за грехи терялся, ведь грешник никак не «платил» за свои ошибки. Но духовные отцы были достаточно хитры, чтобы не совершать предписания епитимьи в ее «оригинальном» объеме. Вместо покаянных поклонов за грешника они совершали литургии – сами их «прописывали» раскаявшемуся больному. Проведение литургии стоило денег. У греков и южных славян, кстати, была практика найма людей, которые за определенную сумму выполняли предписания епитимьи за истинных грешников.

Смирнов выделяет два типа текстов, принадлежащих перу древнерусских духовников: записки духовников, касающиеся их практики (например, «Вопрошание» Кирика Новгородца XII в.), и послания и поучения духовным детям. Некоторые духовные отцы писали жития своих чад (в назидание другим).

Приводя примеры учительных текстов авторства духовников, Смирнов комментирует «Поучение отца духовного к детям духовным» (XVI в.). Он отмечает влияние на неизвестного автора «Поучения» – «худых номаканунцев», сомнительных с церковной точки зрения, например, в вопросе о покаянии в грехах перед смертью (якобы это можно делать только «на ногах»). Вот что еще фиксирует «Поучение»: «Запрещается раноядение. Если усердный христианин не позавтракаетъ въ иной день, то святой этого дня молится за него Спасу всю неделю; евщій же и пивщій въ праздни-ки ничемъ не избудетьъ тьмы»¹¹. Также запрещается есть молочное и мясо сома (которое, заметим, является некошерным с точки зрения иудаизма – возможно, причина запрета и кроется в традиции, сформировавшейся еще в первые века христианства).

Растолковать особый статус духовника в обществе можно с точки зрения, например, современной философии и психологии. Современный культуролог и философ Славой Жижек, перефразируя актуальное словосочетание «виртуальная реальность», когда наш опыт реальности получает воплощение в цифровой форме, предлагает так называемую «реальность виртуального»¹², где реальность – реальные действия, которые генерируются чем-то еще не в полной мере существующим. Комментируя этот тезис, Жижек обращается к триаде Ж. Лакана – «воображаемое, символическое, реальное». Термин «виртуальность» и триада в структурном психоанализе Лакана, встретившись в единой системе координат, дают возможность «раздробить» проблему «реальности виртуального» на три части или понятия: воображаемая виртуальность, символическая виртуальность и реальная виртуальность. Иллюстрируя эти понятия, Жижек обращается к повседневному опыту. Так, комментируя «символическую реальность» применительно к отношениям в семье, Жижек ссылается на феномен авторитета отца. Отцу, чтобы оставаться авторитетом, не нужно себя реализовывать (например, принимать какие-то меры наказания ребенка), в противном случае – авторитет губит сам себя (Жижек видит в этом признаки импотенции, неестественности). Для того чтобы оставаться реальным, авторитету приходится оставаться виртуальным в смысле угрозы. Похожая ситуация и с духовниками: идя на поводу у своих подопечных в силу разных причин, они не реализовывали потенциал власти и потому долгое время могли оставаться в статусе авторитета.

Духовное чадо встречалось с нареченным отцом регулярно: «Древнерусские поучения, обращаясь к духовным детям, советуют им каяться “по вся дни, исповедающе своя грехи”, не задерживая и малые согрешения, или – каждую неделю»¹³. Однако рекомендация эта едва ли соблюдалась: во-первых, из-за образа жизни – отнюдь не оседлого, который вели жители Руси; во-вторых, само правило вступало в противоречие с другим христианским постулатом, согласно которому «покаяние без поста бесполезно»¹⁴.

Духовник был в ответе за духовных детей. По мнению Церкви, душеполезные книги и собственный опыт не могли дать должного религиозного образования, поэтому христианин был обязан пройти духовную школу. Но обучение длилось всю жизнь – на жизненном пути всё время появлялись новые вопросы. Самостоятельно искать ответы на них не разрешалось – Церковь боялась неверных интерпретаций своих правил, от их истолкования напрямую зависел образ жизни членов общества. Церковь стремилась к унификации поведения людей – так их было легче контролировать. Духовные

дети усваивали истины, не только встречаясь с отцом лично, но еще и через тексты, им самим или другими духовниками написанные – послания и поучения или записи случаев из практики, то есть Церковь влияла на паству публицистическими средствами. Представители духовенства добивались дисциплины в быту, сфере, с которой человек имеет дело каждый день. Управлять толпой, состоящей из людей, чье поведение предсказуемо, несоизмеримо легче, чем «думающими» индивидуалистами.

Примечания

- ¹ *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М.: Кругъ, 2011. С. 410–411.
- ² *Смирнов С.И.* Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М.: Синодальная типография, 1913. С. 64–65.
- ³ Там же. С. 42.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 46.
- ⁶ Там же. С. 84.
- ⁷ Там же. С. 72.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 78.
- ¹⁰ Домострой / Изд. подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб.: Наука, 2000. С. 47.
- ¹¹ Там же. С. 155–156.
- ¹² Slavoj Zizek: The Reality of the Virtual (2004) [Видеозапись] / Реж. Б. Райт. 2006.
- ¹³ *Смирнов С.И.* Указ. соч. С. 166.
- ¹⁴ Там же.